

Вторая книга прозаика Алексея Козлачкова «Батальон в пустыне. Солдаты Афганской войны» (серия «Разведопрос» издательства «Питер») составлена оптимально. Именно в нынешней последовательности эти повести и рассказы, объединенные афганско-десантной темой, приводят в движение некий скрытый механизм козлачковской прозы. Эффектней срабатывают смысловые внутренние рифмы, с максимальным результатом «выстреливают» художественные средства. К глазам читателя аккуратно подносится полевой бинокль: точность попадания ты можешь оценить, не выходя из текста, не дожидаясь отзывов литературных критиков.

С литературной критикой Алексею Козлачкову повезло вдвое меньше, чем с издателями: одна рецензия в том же толстом журнале, где автор получил премию им. И. П. Белкина за лучшую русскую повесть 2012 года. Эта повесть — «Запах искусственной свежести» — дала название его первой книге, вышедшей в 2014 году

в издательстве «Эксмо». Проза Козлачкова публиковалась в толстых журналах с 1997 года. Поэтому первую книгу можно было считать несколько запоздалой. А вот «Батальон в пустыне» — очень своевременная книга.

Можно сказать, что автору повезло со второй попытки. Первая книга напоминала парашютиста, которого занесло на вражескую территорию (в чужую целевую аудиторию). Хотя издательство «Эксмо», следуя сомнительным текущим требованиям литературного процесса, и сделало ее вполне презентационной (насколько это возможно под обложкой «Эксмо»).

Книга «Запах искусственной свежести» была довольно эклектичной по составу. В сравнении с ней, «Батальон в пустыне» пополнился рассказом «Французский парашютист» и недосчитался одной повести и нескольких рассказов. Среди потерь — «невоенный» рассказ «Купить лампу», один из лучших у Козлачкова. Возможно даже, некоторые читатели толстых журналов впервые обратили внимание на этого автора именно после публикации «Лампы». Но в том рассказе — особая оптика и другая тональность. А издательство «Питер» снарядило такой «борт», где нет места лишнему грузу, не связанному с военными мотивами.

Дело еще и в том, что во всех шести военных историях «Батальон в пустыне» рассказчик почти равен автору (это же можно сказать и о «невоенном» рассказе «Купить лампу»). В другой прозе, не вошедшей в эту книгу, Козлачков выпускает на «гражданку» рассказчика попроще. Над таким рассказчиком и читатель может поглумиться. И автор, если что не так, от него дистанцируется: он не со мной...

«Батальон в пустыне» ритмически организован десантным маршем «Взревели моторы, готовые к старту...». Песню эту как раз и поют герои «Французского парашютиста».

Процитирую эпизод полностью:

«...я откинулся в кресле за столом — мы сидели на уютной веранде с видом на речку — и затянул тихонечко одну старинную военную песнь, которую я всегда, вообще-то, затягиваю по пьяни, он ее тоже должен был помнить. Сам-то я из всех песен человечества ее только одну до конца и знаю. Просто часто пел в молодости, она строевая...

Взревели моторы, готовые к старту,
И ветер пригладил траву...

Павел тут же оторвался от кружки с пивом и, улыбаясь, подтянул, на что я и рассчитывал:

Минута-другая — и крылья стальные
Поднимут десант в синеву...

Потом пошел знаменитый припев, он поется страшными гудящими голосами, чтоб враги боялись. Это было не столько громко (мы старались петь тише), сколько сурово и внушительно, ведь басы обычно чувствуются лучше — именно не слышатся, а чувствуются — спиной, ногами, головой и даже посудой на столе... Он подхватил в том же регистре, французы оторвали головы от тарелок и стали с любопытством поглядывать на нас. А мы гудели страшными голосами, поддержанными дрожанием стаканов:

Падать придется нам до-олго,
Этот прыжок затяжной,
И облачко белого шелка
Чайкой вспорхнет за спиной.

Последние две строчки звучали уже как канонада 1-го Белорусского фронта при штурме Берлина, а там было еще два куплета и, соответственно, припева... Когда мы допевали второй куплет, мне подумалось, что полиция, наверное, уже в пути. Но остановиться мы уже не могли, ведь это был единственный в своем роде случай: нашу училищную песню мне мог подпеть, наверное, лишь один человек во всей Европе, и вот он теперь пел ее вместе со мной. Ежели вдруг вздумаете отыскать ее в Ютубе, то там она звучит как-то мелкотравчато, финтифлюшечно — под гитарку, с неприятным призвуком каэспэшных костров, дешевого алкоголя и "солнышка лесного", а в нашем исполнении, даже приглушенном, она звучала как "Вставай, страна огромная"... великая десантная песня.

Когда мы стихли, обрадованные французы неожиданно захлопали громко и радостно с криками "браво" и ударением на последнем слоге. Из ресторана на веранду послушать песню вышли, оторвавшись от котлет, посетители и официанты, а наш официант — с новой пиццей для нас стоял в проходе, ожидая конца пения...»

Но важно, чтоб читателя «Батальона в пустыне» не отпугнули ужасная обложка и неудачное гремучее название — производные сегодняшней маркетинговой политики.

Над именем и фамилией Алексея Козлачкова на обложке бесцеремонно «нависают» имя, псевдоним и фамилия автора предисловия и куратора серии: Дмитрий Goblin Пучков. Значок серии с портретом Пучкова, расположенный в левом верхнем углу обложки, напоминает кукушку в часах. Этот опознавательный знак «тупичка Гоблина» уравновешен названием интернет-ресурса okorka.ru в правом верхнем углу обложки.

Издательская стратегия «Питера» вполне объяснима. У Козлачкова есть свой читатель, не контуженный литпроцессом и равнодушный к литературным модам. У сайта военной литературы okorka.ru — своя аудитория. Причем нередко читатель «окопки» очень даже квалифицирован в тех вопросах, где профанами проявляют себя кумиры публики. У «афганцев» было немало претензий к роману «Ненастье» Алексея Иванова (да и создатели одноименного сериала явно сэкономили на военном консультанте), к фильму «Братство» Павла Лунгина.

Вот для ресурса okorka.ru Козлачков — свой автор.

Дмитрий Goblin Пучков с книжным проектом «Разведопрос» ориентирован в основном на историю (этим и объясняется «неэстетичное» название книги). Издательство «Питер» почти не выпускает художественную литературу. И то, что Goblin в своем «тупичке» нашел место для качественной прозы, — несомненный плюс этого проекта.

Поэтому не нравится обложка — книгу можно обернуть в газету. А еще лучше — в карту местности: это важный атрибут военной прозы Козлачкова.

Собственно, и стилистику книги «Батальон в пустыне» можно сравнить с топографической картой. Рельефные тексты

(повесть «Запах искусственной свежести») соседствуют с водянистыми («Французский парашютист»). Сюжетные ходы и ритм порой тоже наследуют военную карту с ее условными обозначениями.

Рекогносцировка времени и места в главной повести Козлачкова проводится по-военному четко: «Пески, шакалы, душманы и минные поля». Это тот однородный ряд, который главному герою повести «Запах искусственной свежести» предложен Судьбой, сквозным (хотя и тeneвым) персонажем книги.

«Командир взвода разведки и управления минометной батареи 3-го парашютно-десантного батальона 350-го парашютно-десантного полка Федор Травников» привозит в пустыню у южных границ Афганистана прибалтийский одеколон «Свежесть».

«Он будоражил какие-то участки мозга, связанные с воображением и мечтательностью. Это повторялось каждое утро после бритья: размазав жидкость по щекам, я тотчас же мягко отплывал в дальние северные пределы, в прохладный Петербург, в то время еще Ленинград, где жила моя тогдашняя невеста; мне грезился запах кофеен, мокрого асфальта, цокот ее утренних каблучков по этому асфальту, в то время как все остальные шли беззвучно, запах ветра с Невы, ветра с моря, трепет праздничных флагов и размытый свет светофора во время дождя на ленинградском перекрестке. <...> Запах этот не отключал от действительности вовсе, он размывал ее, затуманивал и накладывал в моем воспаленном мозгу на декорации из влажного Питера — непременно влажного, занимавшего в грезах моего перегретого организма образ рая.

Оба мира — реальный батальонный и иллюзорный питерский — причудливо переплетались, иногда до полного неразличения, что могло бы стать и опасным, но слишком далеко никогда все же не заходило. События батальонной жизни легко могли лишить меня сладких видений, выключить этот второй план, для чего достаточно было резкого окрика, команды, выстрела, и ты возвращался в угрюмую обыденность выжженной добела пустыни».

Одеколон «Свежесть» становится для лейтенанта чем-то средним прустовскому печеню мадлен.

Если за образ рая представляет «влажный Питер», то юг Афганистана выглядит противоположной «инстанцией». «В таких безжизненных горах не может угнездиться ничего хорошего, лишь душманы и Вельзевул». Раскаленная пустыня — это филиал ада, вотчина смерти с «песками, шакалами, душманами и минными полями». В конце повествования Смерть присвоит себе и напоминающий о влажном рае одеколон «Свежесть», чтоб уморить им Солдата.

Однако проза Козлачкова не терпит сложных натяжек и ложных обобщений, требует оговорок. Окажется, что и в пустыне не так уж и невыносимо, если офицер при деле. Последует перебивка кадра. И повесть «Война в помещении и на свежем воздухе» предлагает читателю другую систему координат: Москва 90-х, где и писатель, и офицер, и летчик, и водилы-дальнобойщики могут ощутить себя в самой что ни на есть «ж... мира», в аду при жизни.

В шести историях-фресках «Батальона в пустыне» особая роль отводится четырем стихиям. В названиях повести «Война в помещении и на свежем воздухе» и рассказа «Французский парашютист» заявлена воздушная стихия. И тема «крыльев стальных» и «десанта в синеве» в обоих текстах надежно прикручена к фантасме, как эмблема рода войск — к петлице. Но при этом и в повести, и в рассказе ключевые события происходят в бане. Таким образом, автор окунает читателя в водную стихию — вместо воздушной, обещанной в названии.

О герое «Войны в помещении и на свежем воздухе» мы узнаём: «Не имея постоянного жилья в Москве, без конца меняя комнаты, он всегда селился вокруг бань. Как древние цивилизации, роящиеся и выживающие вдоль великих рек, так и здесь, сильный и простодушный сын русской провинции Митя Перевозчиков, прошедший Афган, знавший тяжкую работу и беспросветное насилие над мозгами в одном из самых сложных технических вузов, так и не нашедший себе близких людей в этом городе, — селился возле бань, в них подозревая успокоенье душевное».

Баня располагает к постановке главных русских вопросов¹.

Баня — важное обстоятельство места в шукшинских «Алеше Бесконвойном», «Калине красной».

На козлачковской карте это один из главных ориентиров:

«Митя Перевозчиков обрел счастье и душевный покой, поселившись в Быково возле чудесного пруда с островом посередине и баней на берегу. Особенная прелесть такой банно-пасторальной композиции заключалась в том, что, распарившись, можно было нырять в пруд зимою и летом, а затем, дымясь, как сухой лед у мороженщиков советских времен, возвратиться в баню. Это и вправду было близко к счастью — даже на мой взгляд не слишком яростного приверженца бани, хотя и предающегося по временам этому телесному распутству с самозабвением. Билеты были очень недороги, и народ самый простой — жители поселка и парильщики-энтузиасты из окрестных населенных пунктов, что выгодно отличалось от посетителей большинства московских бань, которые все больше превращались в элитарные полубандитские клубы, недоступные по цене и отвратительные с точки зрения эстетики всех, делающих свое бесконечное и трудное мужское дело, смысл которого хотя и был не всегда уловим, но высшая необходимость была несомненна».

У Козлачкова банный пар обеспечивает работу сюжетного двигателя «Войны в помещении и на свежем воздухе» и «Французского парашютиста».

В первом случае баня — место побоища. Она же — и отправная точка к дальнейшему катарсису: «Вышли и... замерли

¹ В «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана читаем о встрече в Куопио с отцом Кириллом (будущим патриархом Московским) и архиепископом Павлом (Финская Церковь) в 1975 году: «Потом финская баня с Владыкой и о. Кириллом. Когда мы втроем сидели голые и парились, я подумал: вот бы снять эту фотографию и послать кому-нибудь. То-то был бы фурор... Удивительно, как такой человек, как арх. Павел, который весь светел, весь светится миром и святостью, продолжает так же светиться и голым. То, что грубо, смешно, неприлично в "плотном человеке", в "духовном" — преображено! Я был потрясен этим настоящим для себя откровением...»

от восторга и выпустили густые винные пары в садящееся за пруд красное холодное солнце, исчерканное черными ветвями деревьев».

Только что рассказчиком и его другом было проиграно сражение (банными тазиками) в помещении. Но какая-то война еще предстоит на свежем воздухе. О прозе Козлачкова неспроста было где-то сказано: «Угол зрения, совпадающий с сектором обстрела». Командир взвода минометной батареи парашютно-десантного батальона постоянно напоминает здесь о себе — стилистически. Винные пары выпущены, как боезапас. Солнце, садящееся за пруд, — та цель, в которую они выпущены...

В рассказе «Французский парашютист» баня — место неожиданного знакомства. Двое мужчин и девушка бросаются спасать пожилого француза, которому поплохело от немецкого пара. За этим занятием спасители опознают друг в друге русских — по волшебному слову, которое произнесено одним из них с оттенком досады (а девушка повторяет его с вопросительной интонацией и удивлением).

Далее судьба настраивает фокус своего полевого бинокля на максимальную четкость. Рассказчик замечает десантную татуировку на плече нового знакомого. «Такого почти не бывает. Какова вероятность, что в парилке баден-баденской бани при спасении угоревшего французского деда могут встретиться выпускники одного факультета советского военного училища, которого уж нет, да еще практически однополчане по Пскову? Наверное, нулевая».

По художественному уставу Козлачкова, баня — это инстанция, ответственная и за «нулевую вероятность», и за «высшую необходимость».

Банный пар окутывает сюжетные элементы и ходы, за которыми последует «нестерпимая ясность».

В повести «Запах искусственной свежести» офицеры в раскаленной пустыне находят замену бане: «огромный надувной бассейн, расположенный возле палатки командира батальона под плотным навесом из маскировочных сетей, что защищало его от солнца, но не от приятного обдувающего ветерка».

Тут «пески, шакалы, душманы и минные поля» отодвигаются на задний план. Послеобеденный отдых комсостава как будто попадает в феллиниевский кадр: «В этом бассейне разом помещались почти все офицеры батальона, не занятые по службе — человек десять. Плавать было, конечно, нельзя, все просто висели на надувных бортах лицом и ногами к центру: комбат, замполит, ротные, взводные — офицерское собрание батальона. В основном перекидывались шуточками, иной раз просто спали в воде, иногда проводили нечто вроде совещаний».

Мне всегда казалось, что троп у Козлачкова как-то связан с «арсеналом» командира взвода минометной батареи парашютно-десантного батальона. Что какие-нибудь специальные приборы — артиллерийская панорама или артиллерийская буссоль — предопределили художественную оптику автора «Запаха искусственной свежести». Можно говорить об артиллерийской выверенности этой прозы.

«Одна мысль, что завтра я пойду впереди батальона вместе с разведкой и при этом у меня будет своя особенная задача, одна из самых важных, делала меня радостно возбужденным. Засекать огневые точки, определять координаты целей, наносить их на карту, а случится — и корректировать огонь всей артиллерийской группировки (такова была бы моя задача) — меня распирало от гордости».

Ко многим явлениям нынешнего литературного процесса у Козлачкова, скорее всего, простая претензия: замах на рубль, удар на копейку. С точки зрения командира взвода минометной батареи парашютно-десантного батальона, такое несоответствие намерений и результата — преступлению подобно.

В «Запахе искусственной свежести» разведвзвод, который прорвался в занятое душманами ущелье, передвигается под скалой, как «прихотливая многоножка». И ритмическая сообразность с этим военным опытом заметна в козлачковской прозе.

Наконец, надо сказать о запоминающихся «рифмах» Козлачкова. В ход идет «замены», «подмены», бинарные оппозиции.

Герой «Войны в помещении и на свежем воздухе» сломал костыль в банной драке. «Митя шел в обнимку с Максом, который ему заменял сломанный костыль».

Солдат Муха в бою под скалой спасает командира Федора Травникова («Запах искусственной свежести»). Мог погибнуть и сам. Но Муха погибнет не в бою. Он отравится одеколоном «Свежесть», украденным у офицера Травникова. То есть солдат «выдергивает» командира у Смерти, а потом вручает ей себя...

В рассказе «Красота по-итальянски взорвет мир» тоже присутствует тема «Солдат и Смерть». Итальянские мины, которые «делались из высококачественной пластмассы оранжевого цвета, с прихотливым ребристым узором по всей поверхности», волнуют творческое воображение советских военнослужащих. «Вынув из итальянских мин все взрывоопасное, мы делали из них отличные абажуры для своих походных коптилок и тусклых лампочек, работающих от батальонного генератора. И тогда скучный мир пустыни и интерьер брезентовых палаток заливался густым оранжевым светом и уже не мозолил глаза картинами унылого бивуачного быта колониальных солдат и офицеров, а понемногу превращался в экспозиции для сказок Шахерезады».

Итальянская мина, превращенная в абажур, — это смерть, лишенная жала.

Судьба подбрасывает герою и автору итальянскую рифму. В Афганистане его машина подорвалась на итальянской мине. Свой рассказ об этом бывший офицер-десантник сможет прочесть итальянской жене.

В рассказе «Влиться в коллектив» молодой офицер, направляясь в Афганистан, выпивает в Ташкенте две бутылки водки, которые по негласному правилу необходимо доставить в часть. Вместо водки он привозит в пустыню книги (в том числе «Смеховой мир Древней Руси» Лихачева и Панченко!).

Кузов штабного грузовика, в котором сидят офицеры, ожидающие от новичка традиционных двух бутылок водки, напоминает синедрин, трибунал, репетицию Страшного суда...

«Я вышел на казнь к заднему борту покрытого брезентом грузовика и встал перед глазами товарищей:

— У меня нет водки, — сказал я хриплым захлебывающимся голосом, — я ее не привез...

Рты у офицеров раскрылись от недоверия. Самые бывалые воины — комбат и саперный офицер — смотрели на меня с огромным

интересом, как пытливые пионеры, впервые попавшие в планетарий, смотрят на скоростное звездное небо. Старший офицер батареи, которого все звали по отчеству Степанычем, громко сглотнул в полной тишине, а потом так и замер с открытым ртом.

<...>

— А что же ты привез? — спросил меня комбат. — У тебя РД такой раздутый, будто в нем патроны на весь батальон.

— Это книги, — промямлил я.

— Что? — почти одновременно спросило несколько голосов.

— Книги, — повторил я.

Офицеры как-то разом уронили головы в пустые стаканы, вдруг поняв, что я не шучу. Первым после тяжелой паузы опомнился комбат:

— Ну-у, хоть почитаем...»

Не ручаюсь за точность своих наблюдений... Но, по-моему, самые благодарные почитатели прозы Алексея Козлачкова — военные и поэты. А это далеко не худшая читательская аудитория.